

УДК 930.94(47)"16"

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТРУКТУРИРОВАННОСТИ ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Р.С. Хакимов

Аннотация

В статье пространство рассматривается как историческая категория, отражающаяся в российской государственной политике. Дан анализ соотношения ландшафта, природных ресурсов, географии, средств коммуникации и полиэтничности народов России. Сделан вывод о том, что система управления России вынуждена считаться с климатом, ландшафтом, неравномерным распределением ресурсов в пространстве, а также с этническим многообразием населения.

Ключевые слова: Россия, пространство, ландшафт, ресурсы, средства коммуникации, этнос.

Пространство как геополитика

На первый взгляд, история, политика, идеология и география отстоят друг от друга слишком далеко, чтобы исследовать их взаимосвязь. Но такое впечатление создаётся при ближайшем рассмотрении, а если брать большие периоды времени, то обнаруживаются структуры, мало подверженные изменениям. По словам Фернана Броделя, «география, которой мы можем задавать любые вопросы, как истории, отдаёт, таким образом, предпочтение почти неподвижной истории» [1, с. 30]. Такой подход позволяет сопоставить сложившуюся структуру территории России с этническим составом и государственным устройством. В этом нет ничего общего с «географическим детерминизмом», но нет и «географического нигилизма», отрицающего какое-либо значение географической среды для истории.

В российской историографии всегда учитывалось влияние природной среды, хотя это рассматривалось как вводное описание пространства, а география выполняла роль декораций, на фоне которых разворачивались события. Особенно внимательно к природной среде относился В.О. Ключевский, который свой знаменитый курс русской истории открыл такими словами: «Начиная изучение истории какого-либо народа, встречаем силу, которая держит в своих руках колыбель каждого народа, – природу его страны» [2, с. 63]. Ему вторит С.М. Соловьёв: «Ход событий постоянно подчиняется природным условиям» [3, с. 56].

В отличие от Соловьёва, ограничившегося кратким описанием природных особенностей России, Ключевский рассматривает влияние почвы и ботанических полос, речной сети «на разделение народного труда по местным естественным условиям», плотность населения, торговые связи. «При таком влиянии на народнохозяйственный обмен реки рано получили ещё более важное политическое значение», – отмечает он [2, с. 80]. Однако Ключевский характеризует воздействие

природы на ход исторических событий только с точки зрения русской колонизации. «История России, – пишет он, – есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной её территорией. <...> Колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдалённой связи стояли все другие её факты» [2, с. 50]. Главными предметами исследования Ключевского стали государство и народность, при этом государство было российским, а народ – русским. Для других народов места не оставалось. Такой взгляд был характерен для всей официальной русской историографии, а потому подобные сочинения, особенно в части исследования влияния природы на историю и политику, отражают лишь особенности жизни русского народа. К сожалению, тенденциозность ощущается даже в таких вещах, как использование слова *русский* не только в роли этнонима или имени собственного в географических названиях, но и в качестве прилагательного к любому окружающему объекту: Ключевский постоянно говорит о *русской* природе, *русской* реке и т. д.

Россия исключительно разнообразна по природным и климатическим условиям. Её нельзя свести к Окско-Волжскому междуречью, южнорусской степи или Русской равнине. Россия – это также Крайний Север с тундрой, субтропики, моря и горы, тайга и степи, где складывались десятки народов и сотни племён. География определяет и возможные способы коммуникации, влияющие на выполнение административных функций государства, торговые пути, протяжённость границ, требующих охраны, политических союзников и вероятность угрозы со стороны соседей. С этой точки зрения её следует рассматривать как геополитику.

Россия была и остаётся ядром Евразии. Она всегда находилась в сложных политических отношениях как с европейскими, так и с азиатскими странами. И сегодня взоры политиков всего мира обращены на евразийское пространство как на арену, где проверяется соотношение политических амбиций, формируются силы, определяющие тектонические сдвиги в международных отношениях. «Главный геополитический приз для Америки – Евразия, – пишет Збигнев Бжезинский. – Половину тысячелетия преобладающее влияние в мировых делах имели евразийские государства и народы, которые боролись друг с другом за региональное господство и пытались добиться глобальной власти. Сегодня в Евразии руководящую роль играет неевразийское государство и глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться её превосходство на Евразийском континенте» [4, с. 44]. Если в прошлом основные события происходили на западной и южной границах России, то сегодня они происходят также на востоке и даже в арктических водах, где многими странами ведётся поиск запасов нефти и газа.

Геополитический взгляд на российское пространство требует выработки долгосрочной политики в отношении не только с ближайшими соседями из СНГ и Восточной Европы, но и прежде всего с США, а также с Китаем, Ираном, Турцией. Сегодня понятия суверенитета, нерушимости границ, невмешательства во внутренние дела рассматриваются в международных отношениях несколько иначе, нежели в послевоенное время. Границы становятся прозрачными, а потому пространство России оказывается объектом идеологического и политического воздействия заинтересованных стран.

На геополитическую карту накладываются экономические отношения, прежде всего вопросы определения союзников по интеграции и поиска рынков сбыта для российских товаров. Основные игроки на карте мира объединяются в экономические и политические союзы. Это прежде всего три интеграционные зоны: Северная Америка и Мексика; Европейский Союз; страны Юго-Восточной Азии. Россия оказывается в стороне от мировых интеграционных процессов, и даже в рамках СНГ процессы создания таможенного союза идут медленно и противоречиво. Страна оказалась «зажатой» в тиски между двумя мощными центрами: Европейским союзом и Китаем.

В то же время внутри России кооперационные связи налаживаются весьма вяло в силу отсутствия современных дорог, плохого законодательства и высокой коррумпированности государственных структур. Интеграционные процессы охватывают не столько Россию в целом, сколько отдельные большие регионы, такие как Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, причём нередко экономические связи с зарубежными партнёрами оказываются более тесными и существенными, нежели с отечественными. Этот фактор усугубляется пограничной ситуацией, то есть близостью таких соседей, как Китай, Япония, Германия, организующих особый экономический режим в приграничном пространстве.

Пространство как ландшафт и природные ресурсы

Различные климатические зоны создают среду обитания, в которой формируется тип жизнедеятельности людей, объединяющихся в племена и народы. Ландшафт и этносы тесно взаимосвязаны прежде всего в период формирования и становления народов. Особенности определённой среды создают неповторимые условия для жизнедеятельности, а значит, детерминируют и образ жизни. «Человечество, – пишет Л.Н. Гумилев, – с момента своего становления было тесно связано с окружающей природой, черпая из неё средства существования. Приспосабливаясь к различным ландшафтам: тропическому лесу, сухой степи, тундре и т. д., люди вырабатывали систему навыков и обычаев, что повлекло разделение человечества как вида на разнообразные коллективы, которые называются этносами» [5, с. 237–238].

Без особых причин люди не покидали свои места обитания, к которым была привязана их хозяйственная деятельность, а вместе с тем и весь образ жизни. Этносы и ландшафт коррелируют. Более того: «согласно наблюдениям, – пишет Л.Н. Гумилев, – новые этносы возникают не в монотонных ландшафтах, а на границах ландшафтных регионов и в зонах этнических контактов, где неизбежна интенсивная метисация. Равно благоприятствуют пусковым моментам этногенеза сочетания разных культурных уровней, типов хозяйства, несходных традиций. Общим моментом тут является принцип разнообразия» [6, с. 35]. Благодаря контактному зонам осуществляется не только торговля, но также обмен культурными ценностями, восприятие новых идей, влияющих на представления этноса. Наличие в ландшафте России большого количества контактных зон породило этническое многообразие.

Заслуга евразийцев заключается в том, что они заметили влияние природной среды на характерные черты цивилизации. Ландшафт стал рассматриваться не просто как воздействие внешней среды, а как органическая часть становления

этноса и государства. Н.С. Трубецкой утверждал, что на территории России (тогда ещё Российской империи, а затем СССР) «имеются четыре тянущиеся с запада на восток параллельные полосы: тундровая, лесная, степная, горная. В меридиональном направлении, то есть с севера на юг или с юга на север, вся эта система четырёх полос пересекается системами больших рек. Такова сущность внутреннего географического строения рассматриваемой географической области. Внешние очертания её характеризуются отсутствием выхода к открытому морю и отсутствием той изорванности береговой линии, которая так типична, с одной стороны, для Западной и Средней Европы, с другой – для Восточной и Южной Азии» [7, с. 5].

Если сопоставить географические особенности России с этнической картой, то выделяются группы народов, привязанные к определённому ландшафту: тундре, лесу, лесостепи, степи, равнине, горам, приморской береговой линии. Привязка этнической карты страны к географическому пространству сохраняется на протяжении всей истории России. Со временем новые средства коммуникации и экономические отношения привносят свои особенности в этническую конфигурацию по различным территориям, а иногда кардинально меняют её. Общая статистическая тенденция складывается в пользу русской этничности, но существенно отметить территориальное распределение этносов, ведь для политики важна не только демография как общее количество населения, но также административный ресурс отдельных территорий, в которых доминируют те или иные этносы.

На Севере существуют два пласта истории. Один отражает историю северных народов, живущих в единстве с ландшафтом. Другая история – колонизация земель оседлым населением из центральных регионов страны для разработки недр земли.

Народы Севера с трудом, но сохраняют свой традиционный образ жизни. Арнольд Тойнби так оценивает симбиоз северных этносов и ландшафта: «Наказанием за умелое приспособление к арктическому окружению и использование скрытых Севером богатств стало жёсткое подчинение жизни эскимосов годовому циклу сурового арктического климата. <...> Тирания арктической природы властно вводит столь жёсткое расписание жизни арктического охотника, что оно, пожалуй, сравнимо с тиранией “научного управления”» [8, с. 190].

Суровый климат и специфика среды обитания, борьба за ресурсы поддержания жизни создали особую культуру. «В отличие от юга Евразии, – пишет Андрей Головнёв, – где преобладали оседлые сообщества, на севере долгое время развивались культуры больших пространств и высокой мобильности. В древности вся северная Евразия была кочующей, населяющие её народы никогда не были в полной мере оседлыми и различались лишь стилем и размахом миграций. Категория “путь” и соотношение “дом – путь” – едва ли не основное измерение евразийских культур: если для оседлого сознания путь как преодоление расстояния – инобытие или подвиг, то для кочевой культуры – смысл и основа обыденности. На севере Евразии путь как система движения и жизнедеятельности нередко приобретал вид народа (этнического тела в истории самоедов) или государства (политического тела в практике викингов)» [9, с. 32]. Для северных народов история протекает замедленно, любые изменения происходят

скорее в пространстве в виде перемещений, нежели во времени, то есть слабо выражены этническая трансформация, изменения в хозяйственной жизни и культуре. Если же этнические группы переходят к характерным для всей России экономическим отношениям и культурным ценностям, то в этом случае привязка к ландшафту теряет своё значение.

Особенности ландшафта и климата Севера не дают возможности для существования большого количества населения. Города, возникшие за Полярным кругом России, опирались на добычу природных ресурсов и никак не были связаны с древней историей Севера и её ландшафтом. Их жизнь не является приспособлением к природе, а необходимость отапливать и снабжать средствами жизнеобеспечения большие города вынуждает использовать специфические привнесённые технологии, например «северный завоз», который замораживает значительные ресурсы на многие месяцы.

Основная масса некоренного пришлого населения Севера связана с добычей полезных ископаемых, их интерес уходит в глубину земли, в подземное царство, где располагаются алмазы, золото, никель. Поиск нефти и газа на шельфе в Северном ледовитом океане делает стратегически важным это пространство, но с исторической точки зрения это выглядит как прихоть экономики, а не симбиоз человека и природы. Так же как старатели покидают свои временные земли, когда заканчиваются запасы золота, так и добытчики «чёрного золота» оказываются временщиками на Крайнем Севере. Для российского государства с экономической точки зрения эта территория становится пространством подземным, а не ландшафтом.

В лесной зоне исторически жили «люди Леса», то есть финские народы. Хотя с тех пор леса поредели из-за распашки, вырубки и осушения, тем не менее и сегодня финские народы живут в основной своей массе на той же территории. Конечно, их образ жизни изменился, потеряли какое-либо значение охота и бортничество, по стилю жизни они мало отличаются от остального населения России, но сохраняют традиции, включая древнюю религию, которая причудливо сочетается с православием. Политически это выражено в наличии своих республик и автономных образований, стремлении развивать этническую культуру, создавать национально-культурные автономии.

В лесостепи и равнинах в Средние века селились славяне, которые в основном занимались земледелием. Однако первые государства у русских появились благодаря рекам, по которым плавали викинги. Днепр и Дон были географической основой государственности славянских племён, объединявшей их общим экономическим интересом и потребностью защищать как торговые пути, так и свою территорию.

В степи начиная с раннего Средневековья формировались тюркские народы. Кочевничество и коноводство составляли основу их хозяйства. В то же время для появления таких государственных образований, как Первый и Второй тюркские каганаты, и других тюркских государств существенную роль сыграла добыча железа в горах Алтая.

Последующие великие переселения народов смешали строгое соответствие между ландшафтом и этносом, включив в исторический процесс такой фактор, как реки. Если степь и её неперемный атрибут конь играли роль средства

коммуникации для перемещения в основном с Востока на Запад, то реки связывали пространство с Севера на Юг. Эта связка степи и речных пространств определяла не только симбиоз народов, но и саму возможность создания великих империй. «Всякий народ, – пишет Н.С. Трубецкой, – овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определённой части Евразии; народ же, овладевший системой степи, оказывался господином всей Евразии, так как, господствуя над протекающими через степь отрезками всех речных систем, он тем самым подчинял себе и каждую из этих речных систем в её целом» [7, с. 7]. В те времена тот, кто контролировал степь, контролировал и города. Симбиоз степи и рек создавал также симбиоз народов, прежде всего тюрков, славян и угро-финнов.

Несмотря на то что Россия омывается морями, она является страной континентальной, её характер всегда определялся в большей мере степью и великими реками, нежели морями. Ко времени расцвета Российской империи значение степи резко снизилось. В этом процессе можно выделить ряд факторов: во-первых, изменение климата, в результате которого значение кочевой культуры, сыгравшей огромную роль в объединении Азии и Европы, стало второстепенным; во-вторых, усиление роли великих рек в торговле и коммуникации, а вместе с этим рост больших городов; в-третьих, развитие в XIX в. капиталистических отношений.

Горы, как и моря, не имели решающего значения для формирования характера России, но без них трудно представить такие территории, как Алтай (откуда берут истоки не только тюркская, но и другие цивилизации) и Кавказ (с его десятками различных народов и сотнями диалектов).

«Горы – это преграды, но одновременно и убежище, страна свободных людей», – считает Фернан Бродель [1, с. 46]. В горах, далеко расположенных от больших дорог, не всегда действуют законы государства и столетиями сохраняются самобытные обычаи. В горах можно пасти скот, местами добывать необходимые полезные ископаемые, в предгорьях выращивать фруктовые сады и виноградники, сеять пшеницу. В то же время население гор разрозненно и сосредоточено в небольших деревушках – в горах Северного Кавказа проживает много народов, изолированных друг от друга ущельями. В силу труднодоступности гор влияние городов и равнин оказывается замедленным, а население заоблачных миров управляется старейшинами и обычным правом (адатом). В горах консервируются древние традиции и обычаи, благодаря чему они доживают до наших дней. Все наслышаны об итальянской вендетте. Аналогичные обычаи кровной мести можно встретить сегодня в Чеченской республике.

Пространство гор нельзя рассматривать так же, как остальную территорию России. Там действуют другие масштабы измерения, иные ценности и нормы. Политики, как правило, увлекаются общими цифрами, подсчитывая процентное соотношение русских и нерусских народов. При этом забывается фактор неомогенности российского пространства. Северный Кавказ это особенно хорошо иллюстрирует. В то время как на большей части России доминируют русские, на Северном Кавказе ситуация складывается прямо противоположная, а потому с этой территорией приходится договариваться на особых условиях, соблюдая уважение к обычаям горцев.

В настоящее время ландшафт не играет определяющей роли в судьбе этносов, поэтому его влияние на идеологию и политику оказывается опосредованным историческими традициями. Тем не менее само пространство оказалось структурированным. Этноты, живущие на своей исконной территории, считают себя коренным народом и требуют законодательного закрепления своих прав независимо от доли в общей массе населения России. Поэтому отдельные территории приобретают этническое, идеологическое звучание и даже государственное закрепление в виде республик, несмотря на относительную малочисленность населения. Таким образом, можно отметить пусть и косвенную, однако вполне отчётливую корреляцию между ландшафтом и этнической картиной российского пространства.

Пространство и средства коммуникации

Пространство приобретает социальный смысл, когда оно структурировано. Для этого нужны средства передвижения людей, перемещения ресурсов, механизмы обмена культурой и сбора информации. В первом приближении это дороги и транспорт. В тундре такую транспортную функцию выполняют олени упряжки, но скорость их передвижения зависит от времени года и местности. В степи – это конь и телега. В кочевой культуре использовались также волы для перевозки тяжёлых грузов. Степь позволяла быстро передвигаться большой массе людей, за счёт чего перемещались не только войска, но также значительные людские и материальные ресурсы. В то же время для кочевников лес, горы и море становились серьёзным препятствием. Реки преодолевались вброд или с помощью специальных средств, а зимой – по льду.

Выдающуюся роль в развитии Волго-Уральского региона играли реки, прежде всего Волга, по которой можно было добраться от Скандинавии до Каспийского моря. «Великий Волжский путь, каким он функционировал в последней четверти I тысячелетия н. э., – пишут Анатолий Кирпичников и Фаяз Хузин, – можно представить состоящим из нескольких отрезков. Основу, естественно, составляла сама Волга, к ней тяготели реки, а также сухопутные дороги, представлявшие её транспортное продолжение. Не будет преувеличением протянуть общий маршрут Волжской системы с учётом её прямого и косвенного функционирования от Британии и Голландии до Ирана и Ирака» [10, с. 302]. Естественно, река обрастает поселениями для охраны и перегрузки товаров, ремонта судов, заставами для сбора пошлин, постоянными дворами, ремесленными и торговыми заведениями и т. д. Только в Волжской Булгарии было около 170 укрепленных поселений [10, с. 305]. Развитие судоходной и иной торговли в бассейне Волги начиная с VIII в. сопровождалось установлением единой платёжной единицы – дирхема.

Для Волго-Уральского региона в Средние века столь же большое значение имела река Кама. По представлению ал-Бируни, в «седьмом климате» расположены города Сувар и Булгар, земли болгар, русов и мадьяр; «за этим климатом обитают немногие народы – ису, варяги, йура и подобные им» [10, с. 761]. Му-сульманская Булгария была крайне удобным местом для организации крупных перевалочных баз в международной транзитной торговле. Ал-Омари сообщает: «Купцы наших стран... не забираются дальше города Булгара; купцы болгарские

ездят до Чулмана, а купцы чулманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера» [11, с. 240]. Этот путь находился под контролем государства и, скорее всего, был регламентирован (так же как и торговый путь между Волжской Булгарией и Киевской Русью, имевший переходы, станции для днёвок и ночёвок), охранялся военными гарнизонами. Важнейшей торговой станцией была Алабуга с надёжной крепостью, построенной в X – XI вв. В этой точке могла сходиться и речная, и сухопутная часть Камского пути. «Булгары, – пишет Андрей Белавин, – были основными торговыми партнёрами жителей Предуралья в обмене с Русью и Севером Европы, а Камский торговый путь служил своеобразным ответвлением трансъевропейского Волжского торгового пути. Волжско-Камский великий торговый путь был в IX – XIV вв. главной магистралью, по которой продукция городского ремесла Европы и Азии проникала и за Урал» [10, с. 327]. Камский торговый путь использовался в качестве основной торговой магистрали с Предуральем и Зауральем вплоть до XV в.

В эпоху Золотой Орды как сухопутные, так и речные пути продолжали играть важную роль. Наряду с этим появился фактор Чёрного моря, которое было главной транспортной артерией в торговле с Европой. Несмотря на внушительные размеры черноморских портов Кафы, Солдайи, Тана и других, они были отданы на откуп генуэзцам и венецианцам. Однако было бы опрометчиво их считать территорией морских республик, ведь они работали по ярлыкам ханов, которые определяли их статус и размер налога.

Морские пути сообщения ещё большую роль стали играть в Российской империи. Петербург как столица империи строился на берегу Финского залива с претензией России на статус морской державы. Не меньшие претензии у России существовали на Чёрном море, вплоть до проектов захвата Дарданелл. На Каспийском море Россия до конца XX в. была полноправным хозяином. На Дальнем Востоке амбиции России в начале XX в. были ущемлены вначале Японией, а затем США.

Во времена СССР страна имела огромный флот, как военный, так и торговый, постоянно присутствовала в стратегически важных регионах, освоила Северный морской путь. Успехи на морях были впечатляющими, однако с распадом СССР ситуация резко изменилась – моря стали иметь гораздо меньшее значение, нежели в прошлом, хотя выходы к Балтике, Чёрному морю, Каспию, Тихому и Северному ледовитому океанам сохранились.

Если рассматривать ситуацию в России с точки зрения дальнейшего политического и экономического роста, то можно утверждать, что значение сухопутных дорог по сравнению с морскими и речными путями резко возросло. Это стало заметно уже в XIX – начале XX в., когда появилась сеть железных дорог, а в наши дни всё более заметную роль играют транспортные коридоры, прежде всего в виде дорог с твёрдым покрытием. Несмотря на кардинальные изменения в экономике и государственных отношениях, некоторые характерные географические точки коммуникации сохраняют своё значение. Например, Волго-Уральский регион остаётся стратегически значимым транспортным узлом, а в перспективе он может стать важным элементом в торговле между Европой и Китаем. Времена меняются, но структурная конфигурация российского пространства во многих своих характерных чертах сохраняется.

Таким образом, даже беглый взгляд на российское пространство в историческом аспекте показывает его негетерогенность, что отражается на нынешнем администрировании, которое вынуждено считаться с климатом, ландшафтом, неравномерным распределением ресурсов в пространстве, а также с этническим многообразием населения.

Summary

R.S. Khakimov. The Historical Aspect of the Structuredness of the Space of Russia.

In this article, we consider space as a historical category reflected in the Russian state policy. We analyze the relations between the landscape, natural resources, geography, communicative means and polyethnicity of Russia. We make a conclusion that the Russian system of administration has to take into account such factors as climate, unequal distribution of resources, as well as ethnic diversity of population.

Keywords: Russia, space, landscape, resources, means of communication, ethnoscience.

Литература

1. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 ч. – М.: Языки славян. культуры, 2002. – Ч. 1: Роль среды. – 495 с.
2. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. – 431 с.
3. *Соловьёв С.М.* Сочинения: в 18 кн. – М.: Мысль, 1988. – Кн. 1: История России с древнейших времён. Т. 1–2. – 798 с.
4. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Междунар. отношения, 1998. – 254 с.
5. *Гумилёв Л.Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М.: Прогресс; Пангея; Экопрос, 1993. – 576 с.
6. *Гумилёв Л.Н.* География этноса в исторический период. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1990. – 279 с.
7. *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. – Берлин: Евраз. кн-во, 1925. – 60 с.
8. *Тойнби А.Дж.* Постигание истории. Избранное. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 638 с.
9. *Головнёв А.В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). – Екатеринбург: УрО РАН: Волот, 2009. – 495 с.
10. История татар с древнейших времён: в 7 т. – Казань: РухИЛ, 2006. – Т. 2: Волжская Булгария и Великая Степь. – 959 с.
11. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – СПб.: Изд. на иждивение гр. С.Г. Строганова, 1884. – Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. – 564 с.

Поступила в редакцию
20.01.12

Хакимов Рафаэль Сибгатович – доктор исторических наук, директор, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия.

E-mail: rafh@mail.ru